

КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА: РАКУРСЫ ПРОСТРАНСТВА

В. Н. Давыдов

ПРАКТИКИ ОСВОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА ЭВЕНКАМИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТРОПОГЕННОГО ЛАНДШАФТА И ИНФРАСТРУКТУРЫ*

АННОТАЦИЯ. На примере процесса вторичного использования ресурсов в статье рассматриваются практики приспособления эвенками инфраструктуры, созданной в рамках проектов индустриального развития, а также описываются общие принципы освоения пространства охотниками, рыбаками и оленеводами Восточной Сибири. Делается вывод, что в повседневных практиках эвенков граница между антропогенным и природным ландшафтом носит условный характер. Использование инфраструктуры эвенками — результат серии перемещений, являющихся частью рефлексивного процесса. В последние годы произошли существенные изменения в практиках мобильности эвенков. Возникает своеобразный парадокс современности. Несмотря на то что новые технические средства позволяли интенсифицировать перемещения, количество перекочевок стало уменьшаться. При этом увеличилось число маятниковых перемещений между местами интенсивного использования: охотники и оленеводы стали чаще посещать населенные пункты, базы и другие центры хранения вещей и распределения ресурсов. В результате материальные объекты и имущество концентрировались в подобных местах, что создало необходимость периодически туда возвращаться. Во многих местах роль центров распределения стали выполнять оставленные геологами и вахтовиками поселки. Эвенки активно использовали оставшуюся в них инфраструктуру, адаптировав ее для выполнения своих повседневных задач.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эвенки, Восточная Сибирь, инфраструктура, антропогенный ландшафт, использование пространства, мобильность

УДК 39(=512.212)

DOI 10.31250/2618-8619-2018-1-8-15

ДАВЫДОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ — к.с.н., PhD in Anthropology, заведующий отделом этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

* Статья написана в рамках направления НИР «Антропогенный ландшафт Сибири: традиция и современность»

В данной статье будет рассмотрено, каким образом эвенки Восточной Сибири используют инфраструктуру, созданную в рамках проектов индустриального развития, а также ее роль в освоении пространства. Материал собирался автором в рамках многочисленных экспедиций к эвенкам-охотникам и оленеводам Северобайкальского района Республики Бурятия, Олекминского района Республики Саха (Якутия), Тындинского района Амурской области и Каларского района Забайкальского края с 2007 по 2017 гг.

В процессе освоения ландшафта люди постепенно видоизменяют его своими действиями: строят, добывают материалы и топливо, разводят животных, охотятся, рыбачат, занимаются собирательством и постоянно перемещаются. Практики искусственного изменения ландшафта могут быть прослежены в Восточной Сибири с древности и отражаются в нарративах местного населения. Например, в бассейне реки Олёкма местные жители научились соединять прибрежные озера с рекой с помощью специально прорытых каналов, что, по словам информантов, позволяло осушать некоторые территории с целью увеличения площади пастбищ и покосов. До образования Олёкминского заповедника жители эвенкийского поселка Киндигир держали в подобных местах небольшие табуны лошадей.

Естественнонаучный подход, рассматривающий антропогенный ландшафт как резко контрастирующий с природным ландшафтом, дает узкое определение, где он понимается как целенаправленно созданный и сильно измененный человеком ландшафт, который включает городские поселения и природно-производственные комплексы (Реймерс, Яблоков 1982: 68). Тем не менее большинство ландшафтов содержат в себе следы прямого или косвенного антропогенного воздействия. В этом смысле сложно провести границу между ними. При этом созданные человеком объекты также испытывают воздействие природных явлений, намеренно видоизменяются человеком, приспособляются для текущих хозяйственных нужд.

Любая хозяйственная деятельность ведет к постепенной трансформации ландшафта. Так, концентрация домашних животных в одном месте приводит к изменению растительности, эрозии почв, заболачиванию территории. Подобные изменения хорошо прослеживаются на примере оленеводства (Anderson et al. 2014). Сильно меняют ландшафт технические инновации, новые средства передвижения, а также добыча полезных ископаемых. Фактически охотники и оленеводы во многих местах используют ландшафты, которые уже были изменены человеком. Существенно модифицирует ландшафт добыча золота, уменьшая площадь пригодных для выпаса оленей территорий. Тем не менее на юге Республики Саха (Якутия) и в Амурской области эвенки продолжают выпасать оленей в непосредственной близости от мест добычи полезных ископаемых, используя для доставки продовольствия в бригады многочисленные дороги и мосты, построенные в рамках проектов индустриального развития, адаптировав вахтовые поселки для хранения вещей и ночлега.

Кто же все-таки непосредственные творцы антропогенного ландшафта? Человек и техника? Добывающие компании, разрабатывающие месторождения и создающие инфраструктуру? В последнее время многие авторы пишут о процессе освоения территорий, в котором были также задействованы местные жители из числа коренных народов (Blaser et al. 2014). Исторически освоение огромных территорий Сибири человеком происходило совместно с одомашненными им животными. Доместикация северного оленя открыла новые возможности в освоении пространства, поскольку она позволила перевозить большее количество вещей на большие расстояния с большей скоростью, чем это можно было делать, перемещаясь пешком. Само строительство инфраструктуры часто предвлялось сотрудничеством эвенков-оленевонов и участников геологических экспеди-

ций. Во многих труднодоступных местах олени использовались геологическими партиями в качестве транспорта. Причем каюрами становились эвенки, которые не только хорошо ориентировались на местности и показывали дорогу, но и знали способы обращения с домашними животными (Давыдов 2013: 267).

В этнографии много внимания уделялось именно практикам освоения природного ландшафта, что, в свою очередь, позволяло воспроизводить образ аутентичности исследуемых групп. Таким образом, либо создавался образ культуры из прошлого, сохранившейся до наших дней, либо рассматривались инновации, которые гармонично вошли в обиход местных жителей, производя «революции». Например, использование снегохода (Pelto 1973), мобильного телефона (Stammler 2009; 2013) рассматривалось в контрасте традиций и инноваций, а также связанных с ними положительных и отрицательных последствий для местного сообщества.

Применение новых технических средств приводит к определенным экологическим последствиям. Например, использование снегоходов меняет толщину и качество снежного покрова. Эвенки Олёкминского района Республики Саха (Якутия) заметили, что, когда весной образуется наст, домашние олени предпочитают ходить именно по накатанной снегоходом дороге. Это позволяет им быстро преодолевать большие расстояния, не проваливаясь в снег. С целью предотвратить уход стада местные эвенки-оленьеводы научились перегораживать подобные дороги с помощью кусков ткани темного цвета, способных отпугивать оленей, заставляющих их менять направление движения (Давыдов 2014а: 116). Подобным образом оленьеводы общины «Тяня» перегораживали след снегохода. Причем, когда мы проезжали это место, было видно, что олени шли по следу, но затем ушли обратно, т. е. данное приспособление работало вполне эффективно. Таким образом, следы на снегу, как буранные, так и олени, являются частью антропогенного ландшафта, хотя экологический эффект и не столь явный. Антропогенное воздействие — это постоянный процесс, здесь нужно рассматривать не только его результат, но и темпоральные аспекты.

Антропогенный ландшафт имеет также звуковое измерение: люди и техника производят звуки, которые также влияют на поведение животных, могут их подманывать или отпугивать. В Северобайкальском районе Республики Бурятия многие информанты говорили о «бамовских медведях», которые привыкли к звукам поезда и техники и не боятся находиться в непосредственной близости от поселков. В данном контексте сложно провести границу между антропогенным и природным ландшафтом и определить ту степень влияния, которую оказывает на первый взгляд незначительное воздействие человека на окружающую среду.

Важным элементом землепользования эвенков является эксплуатация временных баз, где можно останавливаться на ночлег, хранить вещи и продукты. Оборудование подобных мест требует наличия поблизости материалов для постройки. В рамках проектов индустриального развития были созданы транспортные узлы, базы и другая инфраструктура, которые активно использовались местным населением. В постсоветский период многие постройки оказались заброшенными, превратившись для местных жителей в источник материалов и топлива.

В 1990–2000-е гг. в отдаленных от центров сибирских поселках проблема дефицита строительных материалов, инструментов и деталей для техники стала особо актуальной. Участки заброшенного предприятиями добывающей промышленности антропогенного ландшафта в тайге превратились в «месторождения» и хранилища строительных материалов, которые активно использовались эвенкийскими охотниками и оленьеводами. В ходе своих повседневных практик они нередко конструировали жилища, хозяйственные постройки, орудия труда и средства передвижения с применением подручных средств и материалов, которые можно найти поблизости.

Для описания данного креативного процесса вторичного использования материалов, частей старых конструкций и техники местными жителями для своих повседневных нужд я предлагаю использовать термин каннибализация. В английском языке слово *cannibalization* означает снятие годных деталей и агрегатов с неисправной или поврежденной техники, осуществляемое для ремонта других изделий. Каннибализация, таким образом, предполагает, что используется, адаптируется и трансформируется то, что имеется в данный момент в наличии. Способом реализации данной стратегии является бриколаж — изготовление новых объектов из подручных средств. Каннибализация как процесс подразумевает трансформацию объектов, т. е. предполагает появление новых функций у уже имеющейся техники, вещей и построек. В основе каннибализации лежит идея вторичного использования имеющихся ресурсов, переработка старых вещей, придание им новой формы, а также использование их частей. В этом смысле каннибализация — это особая форма переработки имеющихся ресурсов, постепенно ведущая к их утилизации.

Использование эвенками объектов «заброшенной» инфраструктуры всегда происходит в контексте перемещения из одного места в другое. Причем сами перемещения становятся возможны только при наличии определенных интенсивно используемых мест, служащих временными базами для ночлега и хранения вещей. Для многих таежников и тундровиков подобными местами стали также поселки, большинство из которых создавались в рамках политики перехода кочевого населения на оседлость и становились центрами управления и распределения ресурсов, в них концентрировались объекты инфраструктуры. Используемые эвенками поселения, базы и постройки следует рассматривать как места, вписанные в сложную систему связей и отношений с другими материальными объектами.

Эвенки Восточной Сибири активно используют имеющуюся инфраструктуру в процессе практической деятельности. Например, на Северном Байкале, Забайкалье и юге Республики Саха (Якутия) автор наблюдал использование заброшенных поселков в качестве оленеводческих и охотничьих баз. Ярким примером является оставленный геологами поселок Олоннокон, расположенный на берегу одноименной реки в Олёкминском районе Республики Саха (Якутия). Местные эвенки-олeneводы используют оставленные дома для ночлега, хранят в них продукты и вещи, моются в построенной геологами бане, используют деревянные детали строений в качестве топлива для печей. Похожим образом эвенки используют бывший геологический поселок Перевал в Северо-байкальском районе Республики Бурятия. Оленеводы Каларского района Забайкальского края используют законсервированный вахтовый поселок Чина в качестве базы для ночлега во время следования к местам выпаса и на обратном пути в поселок.

Совокупность вещей и используемых объектов инфраструктуры следует рассматривать в комплексе и их взаимосвязи с другими объектами и интенсивно используемыми местами, важно понимать всю систему перемещений охотников, оленеводов, домашних животных, техники и вещей, включающую посещение большого количества баз. Жизнь оленевода, несмотря на создаваемые романтические образы таежников и тундровиков, живущих вдали от населенных пунктов, включает также маятниковые поездки в поселок, посещение различных инстанций в районном центре, а мобильность во многом связана с наличием инфраструктуры и топлива.

Возникает своеобразный парадокс современности. Например, в своих работах Джон Урри пишет о характерной черте современности — интенсификации мобильности (Urqu 2012). Однако, несмотря на развитие транспортной инфраструктуры и появление новых средств передвижения, в отдельных случаях происходит скорее ее снижение. Например, уменьшается частота перекочевков, оленеводы дольше остаются на стоянках. Эвенки часто используют одни и те же места

стоянок из года в год, постоянно добавляя новые постройки и превращая эти места в базы. В ряде подобных мест были построены стационарные зимовья или избы для ночлега. Раньше, по словам охотников и оленеводов, на этих стоянках они использовали палатки. Наличие техники позволило пастухам сократить численность бригад и заменить постоянное окарауливание стад пастушеской вахтой (Головнёв и др. 2015: 57). В целом переход от семейного кочевания к вахтовому методу позволил обходиться эвенкийским охотникам и оленеводам небольшими площадями зимовий.

В рамках государственных программ для представителей коренных малочисленных народов Севера выделялись дотации на строительство домов в поселках. В результате в национальных селах можно увидеть несколько пластов строительства — колхозные дома, а также новые, покрытые сайдингом современные дома, чаще всего называемые местными жителями «рублёвками» (например, в поселке Усть-Уркима). Местные жители часто делают в подобных типовых домах дополнительные пристройки. Благодаря строительству новых домов, гаражей, зимовий и лабазов определенные места осваиваются более интенсивно.

При этом увеличивается количество маятниковых перемещений: охотники и оленеводы стали чаще посещать поселок и другие центры хранения вещей и распределения ресурсов. Также уменьшился вес перевозимых оленеводами с собой вещей в рамках перекочевок со стадом. Все неиспользуемое они стараются оставлять на базах и в случае необходимости возвращаются за хранящимися там вещами и продуктами. В результате материальные объекты и имущество концентрируются в центрах распределения, человек все сильнее ориентируется на эти базы и склады, где он на время оставляет вещи. Таким образом, при уменьшении количества перекочевок и интенсивном использовании баз растет количество перемещений между различными интенсивно используемыми местами.

Данный процесс можно хорошо проследить на примере эвенков-оленевонов в разных регионах. За счет появления новых материалов и новых средств передвижения значительно сократилось количество и качество используемых нарт. Также появились их новые модификации — увеличенные самодельные грузовые нарты, прицепы к снегоходу. В таежной зоне, благодаря распространению бензопил, которые позволяют значительно сократить время работы, происходит интенсификация строительства. В последние годы в Олёкминском районе в Якутии на территории эвенкийской общины «Тяня» появилось много новых построек. При этом в качестве строительных материалов, по возможности, используются части старых, оставленных геологами и вахтовиками строений. Созданная в рамках различных проектов инфраструктура используется как часть природного ландшафта. Здесь не менее важны знания об объектах и свойствах материалов. Местные жители хорошо знают, где можно найти необходимые для строительства материалы.

Освоение пространства коренными жителями — это не процесс слепого следования традиции. По словам информанта, опрошенного летом 2017 г. в поселке Киндигир в Олёкминском районе Республики Саха (Якутии), оленеводство предполагает использование большого количества аналитических процедур: нужно уметь правильно выбирать место стоянки, запоминать мельчайшие детали ландшафта и направления перемещений животных. Занятие оленеводством требует усиленной работы памяти — необходимо держать в уме и обрабатывать за короткое время много информации. Здесь очень важно постоянное обновление информации о местонахождении людей, оленей и хищников. Можно сказать, что мобильность охотников и оленеводов является частью рефлексивного процесса, где ее участник вырабатывает определенную стратегию, напоминающую игру в шахматы (Давыдов 2015; Davydov 2017: 24–26). Да и в самих шахматах оленеводы, с которыми работал автор, были довольно сильными противниками. При этом сами эвенки-оленевоновы

сравнивают свою жизнь с шахматной игрой. В этнографии сравнение мобильности эвенков (тунгусов) с ходами в шахматах имеет давнюю историю и впервые встречается у А. Ф. Миддендорфа (1878: 705).

Использование инфраструктуры эвенками, таким образом, воплощает в себе результат целого набора перемещений и также является частью рефлексивного процесса. Довольно часто они замещают одни материалы другими с целью рационального использования имеющихся ресурсов. В условиях дефицита строительных материалов и запчастей происходило замещение одних материалов и вещей другими: в обиход вошли новые материалы, во многих местах чум заменила палатка, покрытие из шкур было заменено на брезент, полиэтилен и т. д. Например, в тайге в двадцати километрах от поселка Холодное на севере Бурятии автор наблюдал охотничий лабаз, построенный на дереве в виде платформы из старого деревянного щитка красного цвета, который когда-то служил крышкой ящика для песка — типичного противопожарного инвентаря и, видимо, был привезен из поселка. Лабаз был возведен неподалеку от озера с солонцами для охоты на крупных копытных зверей. Эвенки Олёкминского района Республики Саха (Якутия) адаптировали для строительства избышек деревянные части построек заброшенного геологического поселка Торго.

Использование эвенками доступных им поблизости материалов для изготовления орудий труда, жилищ и одежды в контексте их мобильности детально описано исследователями (Туголуков 1969; Василевич 1969; Сирина 2012; Брандишаускас 2017; и др.). Природные объекты могут выполнять те же функции, что и постройки. Эвенки-оленоводы Северного Байкала и Забайкалья часто используют естественные границы, например горные хребты, обрамляющие речные долины, вместо изгородей (Давыдов 2014b: 366). Похожим образом остатки построек могут использоваться оленеводами вместо природных материалов. Так, оленеводы общины «Орон» на территории бывшего геологического поселка Перевал в Бурятии использовали бетонные стены гаража вместо коралля. В этом смысле граница между природным и антропогенным ландшафтом является условной, поскольку природные объекты могут играть ту же роль, что и постройки, а инфраструктура и строения — заменять природные материалы.

Инфраструктура, которая создавалась в рамках различных проектов, постепенно инкорпорировалась эвенками для решения повседневных задач. Это происходило в рамках креативного процесса, изменявшего функциональную значимость элементов антропогенного ландшафта и материалов, из которых они состояли. В рамках описанного выше процесса каннибализации эвенки находили строительные материалы и запасные части, несмотря на их дефицит, создавали новые или ремонтировали старые постройки (базы, зимовья, лабазы) и средства передвижения (нарты, прицепы и др.).

Таким образом, заброшенная государством или предприятиями добывающей промышленности инфраструктура позволяла охотникам и оленеводам создавать необходимые для мобильности базы. Несмотря на то что изменение образа жизни эвенков происходило под воздействием внешних сил и интенций, охотники и оленеводы также активно меняли и адаптировали для своих целей ландшафты, модифицированные в рамках индустриальных проектов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Брандишаускас Д. Старые технологии и современное изготовление таежного снаряжения у эвенков Забайкалья // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 3. С. 44–57.
- Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Головнёв А. В., Перевалова Е. В., Абрамов И. В., Куканов Д. А., Рогова А. С., Усенюк С. Г. Кочевники Арктики: тексто-визуальные миниатюры. Екатеринбург: Тип. «Альфа Принт», 2015. 132 с.
- Давыдов В. Н. Власть проводника: каюры-эвенки и использование оленного транспорта на Северном Байкале // Ранние формы потестарных систем. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 267–280.
- Давыдов В. Н. Исследование отношений человека и оленя в Южной Якутии // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН, 2014а. Вып. 14. С. 95–117.
- Давыдов В. Н. От дикого к домашнему: стратегии доместикации оленя в Северном Забайкалье // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. СПб.: МАЭ РАН, 2014б. С. 365–371.
- Давыдов В. Н. Ход конем: шахматы у эвенков-оленевонов Северного Байкала и Прибайкалья // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 241–246.
- Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 2. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отд. 6. Коренные жители Сибири. (Окончание всего сочинения). СПб.: Изд-во Импер. академ. наук, 1878. С. 619–833.
- Реймерс Н. Ф., Яблоков А. В. Словарь терминов и понятий, связанных с охраной живой природы. М.: Наука, 1982. 144 с.
- Сирина А. А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Восточная литература, 2012. 606 с.
- Туголуков В. А. Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969. 216 с.
- Anderson D. G., Ineshin E. M., Kulagina N. V., Lavento M., Vinkovskaya O. P. Landscape Agency and Evenki-Iakut Reindeer Husbandry Along the Zhuia River, Eastern Siberia // Human Ecology. 2014. Vol. 42, № 2. P. 249–266.
- Blaser M., Feit H., McRae G. (eds.) In the Way of Development: Indigenous Peoples, Life Projects and Globalization. L.: Zed Press, 2014. 384 p.
- Davydov V. N. Temporality of Movements in the North: Pragmatic Use of Infrastructure and Reflexive Mobility of Evenkis and Dolgans // Sibirica. 2017. Vol. 16, № 3. P. 14–34.
- Pelto P. J. The Snowmobile Revolution. Park: Cummings, 1973. 225 p.
- Stammler F. Mobile Phone Revolution in the Tundra? Technological Change among Russian Reindeer Nomads, in Generation P in the Tundra // Folklore. 2009. Vol. 41. P. 47–78.
- Stammler F. Narratives of Adaptation and Innovation: Ways of Being Mobile and Mobile Technologies among Reindeer Nomads in the Russian Arctic // Nomadic and Indigenous Spaces: Productions and Cognitions. VT: Ashgate, 2013. P. 221–245.
- Urry J. Sociology beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century. L.: Routledge, 2012. 255 p.

**THE PRACTICES OF APPROPRIATION OF SPACE BY EAST-SIBERIAN
EVENKIS: PRAGMATIC USE OF ANTHROPOGENIC LANDSCAPE
AND INFRASTRUCTURE**

ABSTRACT. This article uses the examples of resources' recycling to explain Evenki practices of the appropriation of infrastructure, which was created within the projects of industrial development. It also describes general principals of space appropriation by Eastern Siberian hunters, fishermen and reindeer herders. The author suggests that within Evenki everyday practices the border between the anthropogenic and natural landscape is a relative one. The use of infrastructure by Evenkis is a part of a set of movements, which are a result of a reflexive process. In the last years the practices of mobility of Evenkis dramatically changed. A specific paradox of modernity has appeared. Even though the new equipment could potentially intensify mobility, the quantity of actual moves has decreased. At the same time the number of pendular movements between the places of intensive use has increased — hunters and reindeer herders started visiting settlements, bases and other hubs for keeping things and distribution of resources. As a result, material objects and property became concentrated in such places that created the necessity of periodic returns to these places. In many places the role of such distribution centers was played by settlements, which were abandoned by geologists and shift workers. Evenkis actively utilized the remaining infrastructure, adapting it to perform their daily tasks.

KEYWORDS: Evenkis, Eastern Siberia, infrastructure, anthropogenic landscape, use of space, mobility

VLADIMIR N. DAVYDOV — Candidate of Sociological Sciences, PhD in Anthropology, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com